

гой и невинной жизни»¹, своего рода монашеский аскетизм, который требует войны с реальным, объективным миром во имя материального благополучия народа. Но этот-то нигилизм и утилитаризм и является, по мнению С. Л. Франка, губительным для русской интеллигенции, ведь именно в нём находится корень реальной политической и нравственной беспринципности революционной интеллигенции. Она, в сущности, не имеет реальной философской базы и чётко определенных ценностей, целей и методов, поэтому её поражение в революции 1905–1907 гг., и крах её иллюзий было неизбежным.

В качестве выхода из сложившегося идейного и морального кризиса русской интеллигенции предстоит глубокое переосмысление собственных целей и задач, формирование новой системы ценностей, преодоление своего нигилистического морализма.

С. Л. Франк, завершая свою статью, предлагает поворот «от непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»².

Таким образом, С. Л. Франк констатирует нравственную ущербность мировоззрения русской революционной интеллигенции. Если губительны те духовные основы, из которых исходит революционное интеллигентское движение, то оно само обречено на гибель и неудачу. Поэтому для русской интеллигенции начала XX века необходима сложная интеллектуальная работа над собой, переосмысление посылок собственной деятельности и поиск положительных, объективных идеалов, способных обеспечить творческую и продуктивную деятельность. В качестве такой посылки С. Л. Франк и предлагает идеал религиозного гуманизма.

Курдин Юрий Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара (Арзамас)

Исаков Алексей Александрович

Кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и истории культуры Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Русская социально-политическая мысль XI-XVII веков: трудности репрезентации

Русская общественно-политическая мысль всегда представляла собой интереснейший предмет исследования, во-первых, в силу специфической роли, которую она сыграла в истории страны и народа, а, во-вторых, в силу особенностей форм, в которых она находила своё воплощение. Можно сказать вслед за

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. — М., 2010. — С. 202.

² Там же. — С. 209.

В. В. Зеньковским, отметившим диффузный характер отечественной философии, что и общественно-политическая проблематика пронизывает самые разные формы духовной культуры русского народа. В конце концов, оригинальная философия в России началась с постановки проблемы исторического предназначения страны и пронесла её родимым пятном до наших дней. Русский мыслитель, в отличие от западного, всегда сознавал исключительность прошлого, настоящего, а значит — и будущего своей Родины. И если европейский политический трактат формально обращался к абстрактному человеку и абстрактному обществу (что, конечно, было лишь видимостью, но видимостью очень выгодной для европейца), то русская общественно-политическая мысль никогда не забывала об уникальности русской истории и политической жизни.

Эта особенность создавала определённую исследовательскую трудность, когда речь заходила о выявлении круга общественно-политических учений и идей, подлежащих обобщению в концепции русской социально-политической мысли. Во-первых, логичным казалось обобщение учений, выраженных в формах, аналогичных тем, которые сложились в западной классике политической мысли. Во-вторых, исходя из этого, возникал вопрос об «ученичестве» русских мыслителей, так остро поставленный в своё время Г. Шпетом в отношении русской философии. В итоге можно было даже поставить под сомнение органичность и оригинальность русской общественно-политической мысли в целом.

Однако та роль, которую русская общественно-политическая мысль сыграла в истории страны, доказывает обратное. Если западная политическая мысль в основном отражала происходящие в обществе изменения (и даже утопии, по большей части, были не столько проектами переустройства общества, сколько негативной реакцией на его эволюцию), то отечественная мысль обладает ярко выраженным нормативным характером и часто выступает в роли важного фактора социальных преобразований. «Слово о законе и благодати», «Правда воли монаршей», работы славянофилов, а позже — революционно настроенных демократов и даже т.н. диссидентов не просто отражали происходящие изменения, они во многом опережали и предписывали их. Эта уникальная роль общественно-политической мысли в истории Руси и России не должна быть утрачена на современном этапе развития, что немислимо без тщательного и творческого знакомства с её многовековой историей.

Особенно значимо при этом выявление истоков, раскрытие процесса становления особенностей отечественной социально-политической мысли, и, естественно, это связано с ростом трудностей, вообще характерных для исследования выбранного предмета. Очевидно, что придётся вести речь о политических учениях и идеях допетровской Руси, восемь веков формировавших мировоззрение и подданных, и правящего класса. Поэтому такая задача требует, прежде всего, ясного видения особенностей русской общественно-политической мысли, более того — уникальных особенностей самой русской истории и государственности, а также ясного и логичного метода отбора источников. Не стоит и говорить о том, насколько важно грамотно решить эту задачу на этапе подготовки специалиста в области политологии, чтобы его профессиональ-

ные компетенции включали в себя осознанный и деятельный национальный аспект, чтобы современный отечественный политолог был способен работать не только по канонам и калькам западной классики, но творчески их осваивать, помня о специфике отечественной социально-политической мысли.

Решению этой сложной задачи служит новый издательский проект, реализуемый под общим руководством профессора, доктора политических наук А. А. Ширинянца в рамках серии «Библиотека факультета политологии МГУ» — многотомная хрестоматия «Русская социально-политическая мысль», о первом томе которой, посвящённом политическим учениям XI–XVII веков, пойдёт речь ниже¹. Прежде, чем переходить собственно к рецензии, мы не можем не отметить уникальность самой серии, включающей в себя работы, посвященные самым разным аспектам политической истории, теории, а также политическим процессам, происходящим в современном обществе. Сама хрестоматия также восполняет важный пробел в литературе, посвящённой истории социально-политических учений, поскольку ни одно подобное издание ещё не предполагало ни таких хронологических рамок, ни такой концептуальной стройности.

Как говорит в предисловии к первому тому хрестоматии его составитель, профессор, доктор исторических наук С. В. Перевезенцев, «процессы развития русской политической мысли в XI–XVII вв., её специфику и особенности необходимо ... рассматривать в контексте специфики исторического развития России»². Это вполне очевидное методологическое положение получает разностороннее развитие в концепции хрестоматии, учитывающей последовательно и особенности исторического пути страны, и специфику форм бытования общественно-политической мысли в данный период, и существующую традицию исследования соответствующих источников не только в политологии и истории, но и в источниковедении, истории литературы, права и т. д.

В основу этой концепции положено стройное представление о специфике исторического развития России, обусловленного системой факторов, среди которых особенно важными в данном контексте представляются следующие. Во-первых, составители совершенно справедливо придают большое значение катастрофичности мировосприятия русского народа после монгольского нашествия, усугублявшейся низкой доходностью хозяйства и болезненным процессом закрепощения. Действительно, сложно представить другой фактор, в такой мере способствовавший закреплению уникальных черт отечественной общественно-политической мысли. Образ «Погибели Русской земли» придал

¹ См.: Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С. В. Перевезенцев, подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 728 с. (Библиотека факультета политологии МГУ).

² Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С. В. Перевезенцев, подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — С. 9.

ей ярко выраженную эсхатологическую направленность, сделал невозможным даже мысль о том, чтобы поступиться высокими идеалами православия. Представление о нашествии и иге как о наказании за грехи, в качестве которых, несомненно, воспринимались феодальные междоусобицы эпохи раздробленности, обеспечивало высочайшую нормативную составляющую мировоззрения древнерусского мыслителя. В то же время его мировоззрение не скатывалось в безысходный пессимизм благодаря возникшей в Киевской Руси традиции оптимистического восприятия будущего страны и династии. Эту традицию, одухотворявшую впоследствии поколения русских людей, вынужденных платить дань ордынцам, заложил митрополит Иларион. Он смог сделать это лишь благодаря христианизации Руси, которая открывала перед страной и народом совершенно новые перспективы, уравнивая их с крупнейшими странами и народами, уже принявшими благодать и избавленными от неравенства, на которое обрекал их «закон». Поэтому представление о благодатности русской истории и государства также принципиально для древнерусского политического сознания, как и постоянное памятование о возможности близкой «погибели». Составители хрестоматии в связи с этим представили собственно политические сочинения эпохи Киевской Руси и феодальной раздробленности на фоне бытовавших в то время традиций православной мысли и формирующегося права.

Значительная роль православия в становлении социально-политической мысли Древней Руси обоснованно связывается составителями и с такой особенностью древнерусского общества, как полиэтничность. В основном она рассматривается через призму взаимодействия руси и славян, но в таком виде она вообще характерна для большинства раннефеодальных государств, возникавших, хотя бы отчасти, путем завоевания в процессе великого переселения народов. Однако полиэтничность древнерусского общества была ещё шире, о чем свидетельствует структура языческого пантеона Владимира, в котором не так и много места осталось собственно восточнославянским богам. Сами славянские племена, населявшие древнерусское государство, происходили из двух очагов этногенеза (севернее и южнее Карпат), и сливались лишь в области вятичей, что также осложняло общую картину. Да и неславянские народы могли играть различную роль в политической жизни и сознании Киевской Руси — от достаточно пассивной в случае финно-угров до весьма заметной в случае кочевых народов Северного Причерноморья. При этом роль Киева как центра международной торговли в принципе делала его мировым городом, на перекрестках которого встречались представители всей ойкумены. Безусловно, само принятие православия было вызвано во многом полиэтничностью древнерусского общества, которая не могла найти выхода в создании поликонфессионального, если так можно выразиться, пантеона языческих богов и востребовала мировую религию с сильной наднациональной составляющей. В то же время, выбор православия позволил, сгладив различия этносов внутри киевского государства, четче очертить его границы и подчеркнуть его статус на мировой арене, что, конечно, имело далеко идущие последствия для истории нашей страны.

Переходя к характеристике особенностей русской социально-политической мысли, составители отмечают в качестве главной определённый плюрализм традиций, на которые опиралось политическое сознание и политическая практика средневековой Руси. Это справедливо связывается не только с устойчивостью общинного уклада, но и с тем, что никакое новообразование в структуре общества и государства было невозможно без отсылки к соответствующей традиции, стремилось само приобрести статус традиции. Избрание митрополита, венчание Ивана IV на царство, само крещение Руси доказывают этот тезис. С философской точки зрения это связано с прецедентальным стилем мышления средневекового человека, который не мог мыслить и действовать, не опираясь на традицию. И здесь стоит отметить, как особенность отечественной культуры, что опора на традицию не перешла в слепое поклонение авторитетам, столь часто характерное для схоластического менталитета католика или конфуцианца.

Стоит отметить и плодотворную квалификацию русской общественно-политической мысли XI–XVII веков как духовно-политической, основанной на религиозно-мистическом мировосприятии. Она позволила несколько расширить рамки привлекаемых источников, тем самым представив вниманию читателя ту идейную основу, к которой неизбежно обращались мыслители этой эпохи. Вообще, сочетание религиозно-философских, социально-политических и правовых текстов в каждом разделе создает четкое представление о пути общественно-политической мысли средневековой Руси от мистической интенции к созданию духовно-политической концепции и воплощению последней в праве.

Оригинальность и последовательность концепции авторов хрестоматии проявляется также и в признании святости основной темой социально-политической мысли средневековой Руси. На первый взгляд, это звучит парадоксально, но выше мы уже разбирали ту роль, которую контрадикторные идеи благодатности русского народа и постоянной угрозы новой «погибели» играли в мировоззрении древнерусского мыслителя. Безусловно, категория святости является единственной, способной синтезировать эти идеи, слить их антиномическом единстве. И действительно, только святость является проявлением благодати, и только святость способна спасти от очередной катастрофы. Отсюда идеал святых князей, подобно Александру Невскому спасающих Русскую землю не только на поле боя, но и в духовной брани. Этот идеал мог отступать на второй план, как во времена Ивана III, но он всегда служил основой представлений самого народа о княжеской власти и поэтому не мог не возрождаться с новой силой и в новых формах, как это было при Иване IV. Тема святости имела и другой важный аспект — постоянное стремление к осознанию исторического пути родной страны через призму Священной истории, через самые разные библейские образы. Тем самым сама Библия являлась действенным источником социально-политических идей, которые могли маркироваться как «Новый Иерусалим», «Новый Сион», «Новый Израиль», не говоря уже о теории «Третьего Рима», также имеющей ветхозаветное происхождение.

Наличие столь чёткой концепции, как уже говорилось выше, позволило составителям отобрать источники, обладающие максимальной репрезентативностью, однако по этой же причине некоторые важные, на наш взгляд, тексты оказались за рамками издания. Это кажется несколько неожиданным, поскольку в предисловии достаточно обоснованно говорится о плюрализме традиций, на которые опирались духовно-политические учения XI–XVII веков.

Прежде всего, издание не содержит фрагментов переводных текстов, которые были весьма популярны в русском обществе и содержали многие идеи, касавшиеся государственного устройства и истории. Применительно к истории русской философии М. Н. Громым была доказана огромная мировоззренческая значимость различных переводных сборников, из которых не только черпал материал для творчества древнерусский книжник, но идеями которых руководствовались государственные и церковные деятели разного уровня¹. Во второй раздел хрестоматии, посвящённый XV–XVI векам, вполне можно было включить выдержки из «Тайной тайных» или других текстов, отсылавших своих читателей к авторитету Александра Македонского и Аристотеля, рассуждавших о вполне современных на тот момент материях. Необходимо заметить, что переводные сборники, как правило, содержали в себе своеобразную традицию в истолковании явлений природного и социального порядка, которую А. Ф. Замалеев предложил назвать аллегорическим рационализмом².

Как показывают исследования русской философской мысли XI–XVII веков, эта традиция была достаточно сильна, и внимание составителей настоящей хрестоматии к ней нам кажется всё же недостаточным. Например, демонстрируя социально-политические воззрения Ермолая-Еразма, составители делают акцент на их мистической стороне, выраженной в «Повести о Петре и Февронии», но не разворачивают перед читателем их рационалистическую сторону, отражённую в трактате «Правительница». Можно было несколько полнее представить наследие Ф. И. Карпова, в котором получает достаточно разностороннее воплощение специфически русская категориальная система, основанная на понятиях правды и милости.

Интересным с политической точки зрения текстом является «Сказание о Дракуле-воеводе», принадлежавшее русскому дипломату-еретику Ф. В. Курицыну. Оно полностью посвящено природе абсолютной власти монарха и является первым сочинением, знакомящим русского читателя с политической практикой реального государя другой страны. В сознании Курицына тесно переплетается мистическое и рациональное в природе абсолютной власти. Он считает, что власть осуществляется рациональным путем и держится на таких столпах, как справедливость и неотвратимость наказания, личная доблесть государя, отказ от социального иждивенчества. Но эта рациональность возможна лишь до тех пор, пока душа властителя огражде-

¹ См.: Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. — М., 1997. — 289 с.

² Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. XI–XX вв. — СПб, 2001. — С. 26–33.

на истинной верой, утрата которой и приводит Дракулу к краху. Безусловно, этот текст мог существенно дополнить указанный раздел¹.

Вызывает некоторые вопросы представление корпуса нестяжательских текстов. Много места уделено монашеской идеологии Нила Сорского, но собственно социально-политическое учение представлено лишь одним текстом — «Ответом кирилловских старцев на послание Иосифа» — атрибуция которого перу Вассиана Патрикеева, кстати, не совсем однозначна, как это показал А. И. Плигузов. Здесь были бы уместны фрагменты «Слова ответного» и редакций Кормчих книг, уверенно атрибутируемых Вассиану, а также «Прения с Иосифом», которое относится А. И. Плигузовым к середине XVI века, но могло бы служить иллюстрацией той версии нестяжательства, которая была использована «ересиархами» Башкиным и Косым².

Однако это невнимание к рационалистической составляющей русской социально-политической мысли XI–XVII, во-первых, объясняется оригинальной концепцией составителей, а, во-вторых, не нарушает отмеченной нами выше логики перехода от интенции к концепции и её воплощению в праве. Поэтому оно не может считаться очень серьёзным недостатком, но, безусловно, позволяет нам выразить пожелание учесть соответствующие тексты при последующих переизданиях хрестоматии, на которые мы рассчитываем, учитывая её относительно небольшой тираж.

Орлеанский Николай Николаевич

Студент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Революция Ханса Фрайера

Аннотация

Фрайер обращается к проблематике революции и ее соотношении с понятием народ. Он конструирует новый образ революции. Подлинная революция это эмансипация государства. Как происходит подлинная эмансипация государства, так происходит и эмансипация народа. Народ эмансипируется не юридически, но конкретно политически.

Ключевые слова: консервативная революция, Ханс Фрайер, революция.

Ханс Фрайер являлся одним из наиболее выдающихся деятелей консервативной революции. Фрайер родился 31 июля 1887 года, а умер 18 января 1969 года, в Эбернштайнбурге. Он пережил обе мировые войны и никогда не переставал творить. Если в свой ранний период в творчестве, приходив-

¹ См.: Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. — М.; Л., 1964.

² См.: Плигузов А. И. Poleмика в русской церкви первой трети XVI столетия. — М., 2002. — 415 с.